

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

В 2006 году, через десять лет после выхода «Бесконечной шутки» Дэвида Фостера Уоллеса, издательство Little, Brown планировало выпустить юбилейное издание этого великого романа. Уже назначили мероприятия в книжных Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, но незадолго до этого Дэвид отказался на них ехать. Я звонил ему, пытался уговорить. «Ты же знаешь, если ты попросишь, я приду,— сказал он.— Но, пожалуйста, не проси. Я сейчас занят кое-чем длинным, и мне трудно возвращаться к работе, когда меня отрывают».

«Кое-что длинное» и «длинная книжка» — так Дэвид называл текст, над которым работал после «Бесконечной шутки». За годы он опубликовал много книг — сборники рассказов в 1999-м и 2004-м, сборники статей в 1997-м и 2005-м. Но на фоне всего этого возвышался новый роман, и о нем Дэвиду говорить не хотелось. Однажды, когда я надавил, он сказал, что для него писать роман — как нести листы пробкового дерева на ветру. До меня периодически доходили новости от его литературного агента, Бонни Наделл: для сбора матчасти Дэвид поступил на бухгалтерские курсы. Они проходили в центре налоговой службы по обработке деклараций. Я имел невероятную честь работать редактором «Бесконечной шутки» и видел те миры, что Дэвид вырастил из теннисной академии и реабилитационного центра. Если у кого-то и

получится написать интересно про налоги, решил я, то только у него.

Когда Дэвид умер в сентябре 2008 года, я еще не видел ни слова из романа, не считая пары рассказов, издававшихся в журналах, причем в них не было видимой связи с бухгалтерией или налогами. В ноябре Бонни Наделл и Карен Грин, вдова Дэвида, осмотрели его кабинет — гараж с маленьким окошком около дома в Клэрмонте, штат Калифорния. На столе Бонни нашла аккуратную стопку — двенадцать глав, всего 250 страниц. На этикетке, приклеенной к диску с этими же главами, он написал: «За аванс LB?» Бонни уже обсуждала с Дэвидом вариант скомпилировать несколько глав и отправить в Little, Brown, чтобы начать переговоры о новом контракте и авансе роялти. И вот нашлась частичная рукопись, так и не отправленная.

Осмотрев кабинет целиком, Бонни и Карен нашли еще сотни и сотни страниц незаконченного романа с рабочим названием «Бледный король». Жесткие диски, папки всех видов, блокноты на кольцах и дискеты с главами, стопки рукописных страниц, заметки и многое другое. По их приглашению я вылетел в Калифорнию и через два дня вернулся домой с рукописью, для которой пришлось взять одну зеленую спортивную сумку и еще два пакета «Треjder Джо». Затем почтой последовал еще целый ящик книг, которыми Дэвид пользовался при написании.

Читая в следующие месяцы эти материалы, я обнаружил поразительно полноценный роман, изобилующий исключительно уоллесовскими оригинальностью и юмором. Меня охватила нежданная радость, потому что в этом мире, созданном Дэвидом, я снова чувствовал себя рядом с ним и мог ненадолго забыть о его смерти. Одни отрывки были аккуратно напечатаны и неоднократно

переписывались. Другие — черновики, написанные миниатюрным почерком Дэвида. Некоторые — среди них и те главы со стола — недавно доведены до идеала. Другие — куда старше, с заброшенными или измененными сюжетными линиями. Заметки и фальстарты, списки имен, задумки, инструкции самому себе. Поразительно живой и полный наблюдений материал; читать его — практически все равно что видеть, как изумительный разум Дэвида играл с этим миром. Одна тетрадь в кожаном переплете так и осталась заложена зеленым фломастером, которым недавно писал Дэвид.

Но ни на одной странице не было ни плана, ни намеков на порядок, который задумал для глав автор. Только общие заметки о траектории романа — да в черновиках глав были указания самому себе, откуда взялся персонаж или куда направится далее. Но ни поэпизодной раскладки, ни очевидного начала или конца — ничего, что можно назвать сводом намеков или инструкций, как, собственно, обращаться с «Бледным королем». Но все-таки я, читая и перечитывая, видел, что Дэвид глубоко погрузился в роман и создал живое и продуманное место — Региональный инспекционный центр налоговой службы в Пеории, штат Иллинойс, 1985 год, — и ярких персонажей, которые сражаются с огромными и ужасающими демонами обычной жизни.

Карен Грин и Бонни Наделл попросили собрать из этих страниц самую лучшую версию романа, какую получится. Такую задачу мне еще не ставили. Но мне и самому после черновиков и заметок хотелось, чтобы ценители творчества Дэвида увидели, что он сотворил, — заглянули напоследок в этот выдающийся ум. Да, «Бледный король» далек от завершения, но мне он показался столь же

глубоким и смелым, как и все, что писал Дэвид. Для меня эта работа стала воплощением теплых воспоминаний о Дэвиде.

Собирая книгу, я следовал внутренним подсказкам в самих главах и в черновиках. А это было непросто: даже глава, которая выглядела как очевидный старт, стояла намного позже начала, что указывалось в сноске, а в более ранней версии было еще заметнее. В другой заметке из той же главы сказано, что роман полон «сменяющихся ТЗ, структурной фрагментации, нарочитых нестыковок».

Но во многих главах раскрывался и центральный нарратив с различной хронологией. В этой сюжетной ветке несколько персонажей приезжают в Региональный инспекционный центр Пеории в один и тот же день 1985 года. Они проходят ориентацию, приступают к работе и знакомятся с огромным миром обработки налоговых деклараций. В этих главах и повторяющихся персонажах есть очевидный порядок, образующий костяк романа.

Другие главы самодостаточны и не входят в какую-либо хронологию. Расставить их при редактировании было тяжелее всего. Читая, я понял, что Дэвид задумывал для книги такую же структуру, как для «Бесконечной шутки» — когда, раньше, чем проступает основной сюжет, читателю набрасываются огромные порции как будто бы бессвязных данных. В паре заметок для себя Дэвид называл роман «торнадическим» или «с ощущением торнадо» — то есть отрывки истории должны с огромной скоростью нестись на читателя. Большая часть нехронологических глав рассказывает об обыденной жизни в Региональном инспекционном центре, о работе и легендах налоговой службы, о концепциях скуки, однообразия и близости. Есть и истории, описывающие разные необычные и

трудные детства, и их смысл проясняется не сразу. Моей целью при расстановке этих частей было показать хронологию. В некоторых случаях она критически важна для разворачивающейся истории; в других — это вопрос темпа и настроения: например, длинные и серьезные главы я прослаивал короткими и комичными.

У центрального сюжета романа нет четкой концовки, и неизбежно возникает вопрос: насколько текст вообще завершен? Сколько всего там еще могло бы быть? Без подробного плана с обозначением ненаписанных эпизодов и рассказов сказать невозможно. Отдельные заметки Дэвида намекают, что он не планировал роман намного дальше представленных здесь глав. В одном месте говорится, что роман — это «серия начал, после которых ничего не происходит». В другом отмечается, что есть три «главных игрока... но их самих мы никогда не видим, только их помощников и пешек». Хотя при этом намекается, что на протяжении романа «грозит произойти что-то серьезное, но так и не происходит». Все это поддерживает теорию, что видимая незавершенность романа на самом деле нарочитая. Первый роман Дэвид оборвал на полуслове в диалоге, второй — ответив на крупные вопросы сюжета лишь по касательной. Один персонаж «Бледного короля» рассказывает о своей пьесе: в ней человек просто сидит за столом и молча работает, пока публика не расходится, и только тогда начинается сюжет. Но, продолжает он, «с сюжетом я так и не определился, если он вообще есть». В разделе «Примечания и ремарки» в конце я привел некоторые выдержки Дэвида о персонажах и сюжете. Эти заметки и цитаты из текста намекают на направление и итоговый вид романа, но лично мне не кажутся определяющими. Я уверен, что Дэвид только исследовал свой мир и еще не придал ему окончательный облик.

Текст отредактирован только поверхностно. Одной моей задачей было унифицировать имена персонажей (Дэвид то и дело придумывал новые), а также названия, должности и прочую фактологию. Другой — исправить очевидные грамматические ошибки и повторы. Некоторые главы рукописи озаглавлены как «нулевые черновики» или «свободное писательство» — так Дэвид называл свои первые пробы, — и в них встречались примечания в духе «урезать следующий черновик на 50%». Иногда я что-то вырезал ради сохранения смысла или темпа либо чтобы выбрать концовку главы, которая обрывалась без завершения. Главной задачей при композиции и редактировании было устранить случайные помехи и путаницу, чтобы читатели сосредоточились на важных вопросах, поднятых Дэвидом, и сделать сюжет и персонажей как можно понятнее. Полный черновик и весь материал, из которого собран роман, доступны для публики в центре Гарри Рэнсома при Техасском университете, где хранятся все документы Дэвида Фостера Уоллеса.

Дэвид был перфекционистом высшей пробы, и нет никаких сомнений, что, если бы он не умер и сам дописал «Бледного короля», тот выглядел бы совсем иначе. В главах часто повторяются слова и образы, которые он бы наверняка пересмотрел: например, вряд ли бы так часто встречались слова «приколюха» и «пилить». Как минимум у двух персонажей есть перчаточные куклы доберманов. Если бы Дэвид закончил «Бледного короля», эти и десятки других повторов и черновых оплошностей были бы исправлены и вычитаны. Но он его не закончил. И выбирая между публикацией незаконченного текста или отправкой рукописи в библиотеку, где ее станут читать и комментировать только ученые, я не колебался ни секунды. Это блестящее произведение даже в незавершенном

варианте, оно исследует некоторые серьезнейшие трудности нашей жизни — и это невероятное художественное начинание. Дэвид хотел написать роман об одних из самых сложных тем в мире — о печали и скуке, — причем роман драматичный, смешной и очень трогательный. Все, кто с ним работал, отлично знают, что он не показывал работу миру, если она не отвечала его жестким стандартам. Но вот у нас есть его незаконченный роман — как же в него не заглянуть? А Дэвид, увы, уже не сможет нас остановить — или простить.

Майкл Питч

Мы заполняем существующие формы
и, заполняя, меняем их и меняемся сами.

Франк Бигарт. Борхес и я

§1

За фланелевыми равнинами, и асфальтовыми графиками, и городскими горизонтами кривой ржавчины, и за табачно-коричневой рекой с рассыпанными на воде под плакучими ивами монетками солнечного света, к месту за лесополосой, где истошно шкворчат от полуденного жара невозделанные поля: сорго, марь белая, леерсия, смилакс, сыть, дурман, дикая мята, одуванчик, щетинник, мускат, шипастая капуста, золотарник, будра, канатник Теофраста, белладонна, амброзия, овсюг, вика, трава мясника, выпяченный горошек добровольцев — все легко покачиваются на утреннем ветерке, напоминающем нежную руку матери на твоей щеке. Стрела скворцов из ветроломной полосы тростника. Блеск росы, которая никуда не девается и парит весь день. Подсолнух, еще четыре, один поникший, и лошади в отдалении, оцепеневшие и неподвижные, будто игрушки. Всё кивает. Электрический стрекот деловитых насекомых. Солнечные лучи цвета эля, и бледное небо, и завитки перистых облаков так высоко, что не отбрасывают тени. Насекомые все время за делом. Кварц, и роговик, и аспид, и хондритовые царапины железа в граните. Очень древний край. Оглядишь. Трепещет горизонт, бесформенный. Все мы братья.

Затем — вороны, три-четыре, не стая, на крыле, безмолвные и целеустремленные, — на кукурузу за провололочной оградой пастбища, где одна лошадь обнюхивает сзади другую: ведущая любезно поднимает хвост. В росе отпечатан бренд твоей обуви. Люцерновый ветер. Носки в репьях. Сухое царпанье в канаве. Ржавая проволока и покосившиеся столбы — скорее символ ограничения, чем ограда как таковая. ОХОТА ЗАПРЕЩЕНА. Шипение межштатного шоссе за ветроломом. Вороны торчат на пастбище под разными углами, переворачивают лепешки в поисках червяков, чьи отпечатки в вывернутом навозе запекаются на солнце весь день, пока не затвердеют и не превращаются в крошечные пустые линии в рядах и врезанных загогулинах, незамкнутых, потому что голова никогда не соприкасается с хвостом до конца. Читай их.